

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.1>

Багаутдинова Гульзада Гадульяновна

[Художественное время, пространство и ритм в очерке И. А. Гончарова "Май месяц в Петербурге"](#)

Статья посвящена решению неизученной проблемы современного гончароведения - пространственно-временной и ритмической организации очерка И. А. Гончарова "Май месяц в Петербурге". В ней анализируются некоторые особенности хронотопа и ритма, обнаруженные в первой части произведения. В ходе исследования выявляются основные художественные средства, раскрывающие специфику хронотопа и ритма. Обоснованно утверждается, что в этом произведении ритм является не только средством выражения хронотопа, но и самостоятельным художественным приемом. Автор работы приходит к выводу о том, что данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/1.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 5-8. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Русская литература

Russian Literature

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 17.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.1>

Статья посвящена решению неизученной проблемы современного гончароведения – пространственно-временной и ритмической организации очерка И. А. Гончарова «Май месяц в Петербурге». В ней анализируются некоторые особенности хронотопа и ритма, обнаруженные в первой части произведения. В ходе исследования выявляются основные художественные средства, раскрывающие специфику хронотопа и ритма. Обоснованно утверждается, что в этом произведении ритм является не только средством выражения хронотопа, но и самостоятельным художественным приемом. Автор работы приходит к выводу о том, что данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова и фразы: И. А. Гончаров; позднее очерковое творчество; хронотоп; петербургский дом; бытовое время; социальное время; правило трех «единств»; ритм.

Багаутдинова Гульзада Гадульяновна, к. филол. н., доцент
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
gbaudina@yandex.ru

Художественное время, пространство и ритм в очерке И. А. Гончарова «Май месяц в Петербурге»

«Май месяц в Петербурге» – произведение, впервые опубликованное после смерти И. А. Гончарова в сборнике «Нива» (1892, № 2) [5, с. 440]. Принадлежит по форме к малой прозе И. А. Гончарова, тогда как более всего изучены романские шедевры писателя. **Актуальность** обращения к изучению поэтики произведений писателя, написанных в малых жанровых формах (очерк, этюд, письмо и пр.), обусловлена многими причинами, перечислим лишь некоторые: во-первых, необходимостью восполнить недостающие научные лакуны в гончароведении; во-вторых, составить целостное представление о поэтике И. А. Гончарова; в-третьих, выявить закономерности, присущие художественному методу И. А. Гончарова.

Научная новизна статьи проявляется в выявлении и исследовании неизученного аспекта в современной науке о Гончарове: пространственно-временной и ритмической организации очерка «Май месяц в Петербурге».

Цель – определить специфику хронотопа и ритма в первой части очерка.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Выявить доминантные средства выражения художественного времени и пространства.
2. Раскрыть основные ритмообразующие факторы.
3. Обозначить функции хронотопа и ритма.

«Май месяц в Петербурге» содержит авторский подзаголовок «очерк», поэтому в этой статье жанрово он будет обозначен также. Внешняя композиция – трехчастная – выделена писателем графически: каждая часть отделена от последующей и предыдущей прочерком. Обратимся к первой части очерка.

Время описания вынесено в заголовок – май. В первой части описывается распорядок жизни, его обитателей и жильцов некоего высокого дома, находящегося «на одном из проспектов в Петербурге». Дом, по словам автора-повествователя, был «обширный»: «...одной стороной выходил на какой-то канал, а другой в противоположную улицу. С боков, в улице и переулке, были жилые помещения. Посреди двора тянулся также флигель и разные квартиры» [Там же, с. 193].

Затем панорамный взгляд автора-повествователя сужается, и он переходит к описанию жилых помещений дома, а также его жителей. Пространство ранжировано: сначала описываются квартиры высших сословий, затем – средних чинов и пр. В доме проживают: генерал-граф с семьей – Решетиловы; важный чиновник; купец Гвоздев; девицы-сироты; некто Чиханов с женой; три холостых чиновника; управляющий Иван Иванович Хохлов и др. Так, аристократы Решетиловы проживали в большой квартире в бельэтаже в двух *главных подъездах*, выходивших на «лицевую сторону». С другой стороны бельэтажа жил *важный чиновник*, а «вверху над ними проживали две девицы-сироты уже на возрасте» [Там же].

Затем взгляд автора-повествователя перемещается от верха к низу: «...на дворе помещался некто Чиханов с женой. Он занимал четыре комнаты...». Пространство детализировано: отмечается, что две комнаты «были отделаны особенно чисто, а другие две попроще» [Там же, с. 194].

Если автор-повествователь задерживает свой взгляд и более подробно описывает жилища знатных людей, то проживание менее богатых и именитых персонажей лишь констатирует: над Чихановым «жили три чиновника холостых, с кухаркой. Под ними еще чиновники», а «посередине тоже ютились разные жильцы и расположены были торговые помещения» [Там же].

Более подробно автор-повествователь останавливает свой взгляд на средней части дома, так как в ней располагался «заведующий» этого дома – Иван Иванович Хохлов – «управляющий всегда отсутствующего хозяина». Хохлов занимал несколько комнат в среднем корпусе, одна из которых была переделана под контору, в которой он принимал жильцов дома, посетителей.

Пространство замкнутое: все описание сосредоточено на «внутренней» жизни дома, на описании его жителей, их занятий, которые они совершают в течение дня. Художественное время линейно: жизнь обитателей дома расписывается с раннего утра и до позднего вечера. «Утром дом только что просыпался», раньше всех «проснулись, конечно, голуби, воробьи и кошки»; автор-повествователь отмечает, что, несмотря на раннее утро, «было давно светло» [Там же].

Уже в этом «утреннем» фрагменте узнается Гончаров-писатель с его стремлением к ритмизации и неповторимым юмором. Ритм создается троекратным перечислением однородных подлежащих, а также синтаксическим параллелизмом придаточных предложений с анафорическим зачином союзов «что» и «чтоб»: «чтоб броситься...», «что их будто...», «что они...», «чтоб не терять...». Юмор создается замечаниями автора-повествователя: кошки «сами сознавали бесполезность своих покушений» на воробьев и голубей; «но горе тем, кто оплошает!» [Там же].

Хронотоп в этой части очерка социально-иерархичен. Часов в семь начали выходить на улицу дворники. Автор-повествователь подчеркивает цикличность их действий, а следовательно, и времени. Во всех дворах происходило одинаковое: сначала они пили чай из самовара с дворниками из соседних домов, затем «принялись мести, вздымая пыль, навоз и другое, что валялось на мостовой» [Там же, с. 195]. Монотонность действий обозначает ритм, который создается повторяемостью небрежных движений дворников из близлежащих улиц, которые «неистово мели улицу, не заботясь о прохожих и проезжих» [Там же, с. 196].

Неизменность происходящего также подчеркивает ритм, который образуется одинаковыми фразами, произносимыми разными дворниками: «“Полиция велит!” – сказал первый дворник» [Там же, с. 195]; «полиция велит!» – отвечал второй дворник; «...у них была одна отговорка: “Полиция так велит”» [Там же, с. 196]. Ритм образуется синтаксическим параллелизмом трех предложений, синтаксически построенных как прямая речь. Их художественное своеобразие определяется тавтологическим повтором фразы персонажей «полиция велит», а также идентично построенными предложениями с авторскими словами: «сказал первый дворник», «отвечал второй дворник».

Описание переносится на нижние этажи, двор, улицу. *Галерея просыпалась*, занималась хозяйственными делами: «...лакеи чистили мундиры графа и сыновей его. На другой стороне горничные отряхали пыль с платьев, ботинок графини, дочери ее и гувернантки» [Там же, с. 195]. Ритм создается однородными дополнениями (обстоятельствами). Ритм является одним из излюбленных художественных приемов в поэтике малой прозы И. А. Гончарова [1-3], который нередко образуется повтором однородных членов предложения.

Постепенно перспектива перемещается от вертикали к горизонтали. Внизу, «на обоих подъездах», швейцары ставили самовары: «Один пузатый, плешивый, не самовар, а швейцар, со стороны графини, а другой в военном унтер-офицерском мундире со стороны графа» [5, с. 195]. Художественное своеобразие этого тематического фрагмента проявляется в следующем:

1. Оно детализировано. 2. Комизм, который создается авторским пояснением-каламбуром о том, что *пузатым и плешивым* является не самовар, а швейцар. 3. Ритмичность, создаваемая параллелизмом антитетической синтаксической конструкции и тавтологической рифмой-эпифорой: *один со стороны графа, // а другой со стороны графини*.

Таким образом, время, в котором существуют слуги, горничные, дворники, является бытовым, его специфику определяют повторяемость, будничность, повседневность происходящего и так или иначе бессобытийность.

Подробнее остановимся на распорядке дня семьи графа, который достаточно строго организован: каждому временному интервалу соответствуют определенные действия: «настал полдень, затем завтрак» [Там же, с. 199]. В девять часов «графу и детям его понесли чай, а графине, дочери и гувернантке – кофе» [Там же]. Снова наблюдается ритм, образованный однородными членами предложения, а также изысканным хиазмом.

Последовательность занятий подчеркивает ритм, созданный синтаксическим параллелизмом одинаково построенных простых предложений по типу: подлежащее (однородные подлежащие) + сказуемое + дополнение. Например: «После завтрака граф, / гость его, / другой генерал, уехали в свой совет, // графиня села в гостиной принимать посетителей, / а дочь с гувернанткой скрылись в своей комнате» [Там же]. Для ритмической организации произведений И. А. Гончарова весьма традиционными, частотными являются повторы как согласных, так и гласных звуков: [п], [г], [с], [т], [н], [в]; [о], [а].

Время, в котором пребывает семья графа, – бытовое. Автор-повествователь при помощи ритма, который создают однородные дополнения и однородные определения, подробно описывает визитеров графини: *русский архиерей, католический прелат, великосветская барыня*. Дневное время, которое проводит графиня, казалось бы, не статично: она не только принимает гостей, но и выезжает куда-нибудь, если услышит что-либо интересное для себя.

Автор-повествователь использует ритмико-семантические повторы в пределах небольшого абзаца: трижды упоминаются словосочетания (с небольшими синонимичными вариациями) «русский архиерей» («русский преосвященный», «православный священник»), «католический прелат» [Там же]. На уровне грамматической структуры ритм образуется синтаксическим параллелизмом двух сложных предложений, соотносящихся по принципу: анафорический зачин слов со звуком [у] *услышит (узнает)* + союз *что* + подлежащее + сказуемое + дополнение (определение). Употребление одних и тех же звуков образуют аллитерации [р], [с], [т], [в], [г], [н], [п] и ассонансы [е], [и], [а], [о], [у].

Кроме того, ритмизация усиливается повтором одинаковых, а также синонимичных, близких по смыслу слов: *будет говорить, готовится говорить, говорил; она едет туда* / *она едет в иноверческий храм*; *«умилится искренно» / «также умиляется» / «точно так же с восторгом слушает»* [Там же]. Тожественность действий, одинаковость, ровность, неизменность эмоций графини, ее равнодушие («к вечеру забудет их всех») – все это обозначает цикличность времени, которая создается образом жизни графини.

В первой части очерка автор-повествователь очень точно фиксирует время: «Часа в три вдруг графиня как сидела, так поднялась с своего места, накинула не глядя какую-то мантилью на плечи, на ходу надела шляпку, перчатки» [Там же]. В данном фрагменте перечисляются однородные сказуемые с семантикой движения: *поднялась, накинула, надела, подали, села, поехала*. Кроме того, ритм создают однородные дополнения, обозначающие детали костюма: *мантилью, шляпку, перчатки*. Усиливающий ритмический эффект создают аллитерации [л], [н], [п], [р], [с], [т], ассонансы [а], [е].

Автор-повествователь точно не указывает точку перемещения графини: «Ей подали экипаж, она села и поехала куда глаза глядят» [Там же]. Уточнения, созданные при помощи ритмических повторов однородных дополнений, носят обобщенный характер: «Она не ездила, как большинство наших барынь, по магазинам, а посещала музеи, картинные галереи, мастерские художников» [Там же, с. 200]. Указывается и место прогулки дочери графини с гувернанткой и лакеем – Летний сад.

Около 15 ч. *дом как будто заснул*: «Только то к тому, то к другому подъезду подъезжали кареты: лакеи соскакивали с своего места, принимали от господ визитные карточки, отдавали швейцарам, и кареты ехали дальше» [Там же]. Основной ритм создается троекратным перечислением словосочетаний, построенных грамматически одинаково (сказуемое (глагол) + дополнение (имя существительное) или обстоятельство (имя существительное)): *соскакивали с места / принимали от господ / отдавали швейцарам*. Звуковые повторы являются не только ритмообразующим средством, но и подчеркивают и усиливают ритмизацию: [т], [с], [д], [к], [м], [н], [в]; [о], [а], [е].

Затем автор-повествователь воссоздает вечер графини, которая вернулась домой к шести часам. Время препровождение незамысловато – состоит из приема гостей: «...последнюю ее гостьей была княгиня Перская, приятельница графини». Цикличность времени подчеркивают и повседневные занятия дам, принадлежащих аристократическому сословию: речь идет о нанесении визитов. Так, княгиня Перская сделала «нынче» двадцать два визита, «осталось еще визитов тридцать!» [Там же].

Время статично, не катастрофично, предсказуемо: ничего не меняется, все одинаково, ровно, повседневно, о чем говорит и неизменность одних и тех же гостей, которых принимает у себя графиня: «обыкновенный гость, высокий, лет шестидесяти, мужчина», «ежедневный посетитель», являвшийся «неизменно к обеду» [Там же]. Ритм создается перечислением словосочетаний (имя существительное + имя прилагательное), семантически обозначающих портретные детали: *в белом батистовом жабо, в черном фраке, с прозрачными ногтями*, а также аллитерациями [б], [т], [п] и ассонансами [о], [а], [е].

О повторяемости времени говорит и будничность происходящих явлений: «...к обеду сходятся обыкновенно все, все и у графа сошлись» [Там же, с. 202]. Эта мысль выражается при помощи фигуры повтора – хиазма; кроме того, используется ритм, образованный перечислением однородных подлежащих: *«граф-генерал, графиня, дети их, тоже и гости сели за стол»*.

Время («настал вечер») обозначает род занятий: «...в тот же вечер у графа уселись играть в карты, а к графине собрались молодые люди и девицы и вместе с графскими детьми занялись музыкой» [Там же, с. 205]. Несмотря на небольшой объем предложения, в нем можно обнаружить множество ритмообразующих средств:

1. Ритмизация создается параллелизмом простых предложений, которые соотносятся по схеме: сказуемые (выражены глаголами в страдательном залоге) + дополнение.
2. Лексико-грамматическая вариация однокоренных слов: *граф, графине, графскими*.
3. Звуковые повторы: аллитерации [г], [в], [с], [д], [м] и ассонансы [а], [и].

Таким образом, специфику хронотопа в первой части очерка «Май месяц в Петербурге» определяет описание некоего петербургского дома. Изображается повседневный уклад обитателей одного из петербургских высоких домов, расположенных на одном из проспектов, с раннего утра и до вечера. Несмотря на то, что пространство не ограничивается лишь этим домом, однако подробно автор-повествователь сосредоточивается лишь на его описании: того, что происходит внутри него, во дворе или рядом с ним или на соседних дворах, улицах. Петербургский дом является центральным топосом: все движение исходит от него (центробежная сила) и в то же время возвращается к нему (центростремительная сила). Все остальные топосы лишь называются.

Художественное время в первой части очерка является линейным, социальным, бытовым, бессобытийным, иерархичным. Автор-повествователь точно указывает время: «часов в семь», «после завтрака», «часа в три» и т.д. Весьма последовательно описывает распорядок дня. Жители этого дома различны по социальному статусу, поэтому и описание распорядка дня начинается с момента пробуждения природного мира (кошек, воробьев, голубей), потом – дворников, горничных, швейцаров и пр., и затем уже описывается времяпрепровождение графа с семьей и т.д. Во всем доминирует точка зрения автора-повествователя.

Основным художественным средством выражения является ритм. Кроме того, ритм является и самостоятельной составляющей поэтики не только этого произведения, но и большинства других в творчестве И. А. Гончарова. Разнообразие ритмообразующих принципов достигается тем, что даже в пределах небольшого текстового фрагмента (это может быть и небольшое предложение) писатель использует множество художественных приемов: синтаксический параллелизм; лексико-грамматические, звуковые повторы; семантические вариации. Обнаруживается и хиазм: если судить по частотности, с которой И. А. Гончаров употребляет эту фигуру речи в своих произведениях, то она является весьма характерной для ритмической поэтики многих произведений писателя, в том числе и романов. Кроме того, весьма редко, но все же прослеживаются и стихообразующие приемы: тавтологическая рифма-эпифора; стык. Уникальность хронотопа состоит в том, что в первой части очерка соблюдается классицистическое правило трех «единств»: единства времени (описываемое время не превышает 24 часов), единства действия (участвует небольшое количество персонажей), единства места (все изображаемое происходит в пределах одного дома или так или иначе связано с ним).

Список источников

1. Багаутдинова Г. Г. Прозаическая строфа как ритмообразующее средство в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» И. А. Гончарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 12-15.
2. Багаутдинова Г. Г. Ритмообразующие принципы в «Слугах старого века» И. А. Гончарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 12-15.
3. Багаутдинова Г. Г. Ритмообразующие принципы создания портретов персонажей в «Литературном вечере» И. А. Гончарова // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 12. № 4 (32). С. 125-130.
4. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. 367 с.
5. Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 7. 462 с.
6. Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Русская литература. 1966. № 4. С. 103-115.
7. Иванова-Лукьянова Г. Н. Ритм прозы от Карамзина до Чехова. М.: Флинта, 2019. 336 с.
8. Пырков И. В. Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов). Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2017. 392 с.
9. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / отв. ред. Б. Ф. Егоров. Л.: Наука, 1974. 299 с.

Artistic Time, Space and Rhythm in I. A. Goncharov's Essay "The Month of May in Petersburg"

Bagautdinova Gul'zada Gadul'yanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mari State University, Yoshkar-Ola
gbagautdinova@yandex.ru

The article considers a poorly investigated problem of modern Goncharov studies – spatial-temporal and rhythmic arrangement of I. A. Goncharov's essay "The Month of May in Petersburg". Peculiarities of chronotope and rhythm in the first part of the essay are analysed. The conducted research allows identifying the basic artistic means that contribute to revealing specificity of chronotope and rhythm. The paper argues that in this essay, rhythm is not only a means of expressing chronotope but an autonomous artistic technique. The researcher concludes that this problem is poorly investigated and requires further study.

Key words and phrases: I. A. Goncharov; late essay creative work; chronotope; Petersburg house; everyday time; social time; "three unities" rule; rhythm.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 19.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.2>

Статья посвящена изучению дзен-буддизма в романе «Священная книга оборотня» В. Пелевина. Дзен-буддийская философия занимает особое место в его мировоззрении. Анализируются буддийские мотивы, проявившиеся в тематике и поэтике романа, показываются его источники в китайской литературе и культуре, демонстрируется зависимость интерпретации современной российской реальности Пелевиным от дзен-буддистских основ его мировоззрения. Автором отмечается, что в произведении ясно видно влияние на Пелевина восточной философской мысли, и это влияние предопределяет многие черты его повествования и саму его писательскую стратегию.

Ключевые слова и фразы: В. Пелевин; «Священная книга оборотня»; буддизм; пустота; философия.

Го Вэй

Линьский университет, Китайская Народная Республика
fantasy0224@163.com

Дзен-буддизм в романе «Священная книга оборотня» В. Пелевина

Интерес Виктора Пелевина к дзен-буддийской философии хорошо известен: в сатирических произведениях писателя именно буддизм часто представляет позитивный полюс системы ценностей, учение, которое дает людям духовный выход из наваждения бытия. Для того чтобы лучше понимать творчество Пелевина, необходим